

**ЧЕЛОВЕК И ЕГО МИР
В КОНЦЕПЦИЯХ
З. ФРЕЙДА И
К. ЯСПЕРСА**

Рассматривая проблему человека и его сущность, способ его бытия в мире, З. Фрейд и К. Ясперс подходят к ней с совершенно противоположных позиций, позиций психоанализа и экзистенциализма, применяя каждый свои логические подходы, в которых есть и положительные, и отрицательные стороны.

Психоанализ есть продукт оконечивающего объяснения человека, существа всецело причинно обусловленного, в рамках того, что человеческое существо предопределено, является в одном отношении причиной, а в другом – следствием. В целом все направления психоанализа основаны на том, что человек и мир человека целиком подпадают под причинное объяснение, его сущность есть причина самой себя – *Causa Sui*. Но основным противоречием концепции Фрейда является то, что он в итоге биологическую структуру человека понимает как внутреннюю причину, *Causa Sui*, тогда как природное в человеке является внешним по отношению к сущности человека. Фрейдовское «Оно» в сущности является внешней силой, изначально определяющей всего человека. Следовательно, человек в концепции Фрейда не выступает ни причиной собственного бытия, а следовательно, и своим собственным следствием, а полностью зависит от своей биологической предпосылки.

Фрейд, конечно, допускает выбор у человека, часто даже неосознанный и в этом он глубоко прав, но этот выбор и свобода остаются у него в рамках биологической предпосылки и ограничены «Эдиповым комплексом», они не выражают вовсе непредопределённость человека какими-либо причинами.

Человеческое «Я» свободно по Фрейду лишь в той мере, в какой оно может согласовать требования «Оно» с требованиями общества. На самом деле это «несчастное Я» абсолютно загнано в тупик требованиями «Оно», с одной стороны и требованиями «Сверх-Я», – с другой. Человек, в целом, остаётся замкнутым в самом себе, занятый преимущественно борьбой с собственными конфликтующими между собой силами.

Поэтому человек здесь не может выступать реальной рефлексией или, точнее, реальным рефлексивным отношением.

Область сознания в психике по Фрейду является представителем внешнего мира, и это действительно так [1, с. 371]. Но она у него исполняет только служебную функцию связи с

внешним миром и занимает только небольшую часть психики.

Сознание составляет основное ядро человеческой личности, его «Я», а не является только частью психического «Я». Ибо каждое отношение индивида к другому индивиду в той или иной мере основано на том, что он может установить это отношение, сообразуясь со всеми обстоятельствами, какие наличествуют, с особенностью этого другого индивида и со своими интересами и т.д. То есть каждый такой поступок есть своего рода его творчество и выбор. Он совершается с осознанием своих прав и обязанностей, ответственности и возможных последствий, но, конечно, в этом процессе может быть и значительная доля неосознанного в зависимости от уровня самого индивида и значимости поступка. Но он не может быть полностью результатом бессознательного акта.

Сознание коренным образом меняет качество всей психики. Психика теперь своей главной функцией имеет не отражение. Отражение как внешних условий, так и внутреннего состояния организма индивида сохраняется в человеческой психике как важная, но тем не менее второстепенная функция. Главной функцией становится образование модели того, что может быть, но чего в действительности ещё нет, модели того, что желательно и что должно быть. Поскольку человек не приспосабливается к наличным условиям, а по своей основной тенденции развития нацелен на изменение условий жизни, то для него основным ориентиром выступает не столько настоящее, а главным образом будущее, то что должно быть. То, что должно, желательно и может быть придёт к жизни только тем, что человек сам их создаёт.

Сознание есть та духовная способность, которая имеет своей функцией в мыслях и чувствах создавать это новое, чего в действительности ещё нет. Отражение и творчество – две противоположные по направленности функции, однако при этом представляющие различные стороны одного и того же процесса. В механистических и материалистических концепциях на первый план преимущественно выдвигалась функция отражения, а творчество или отрицалось полностью, или в лучшем случае ему отводилась служебная функция. Как уже отмечалось, концепция Фрейда идёт в русле этого последнего, так как творчество выглядит у него как некий побочный результат, что не предполагается в мотивах и потребностях индивида [2]. Оно есть средство, а не цель, случайное и внешнее в конечном счёте

к глубинным и подлинным переживаниям, тому, чем в действительности живёт индивид.

С этой позиции Фрейд не определил для себя также и более глобальный вопрос, относится ли человек только и исключительно к биологическому миру, миру животных при всей его эмпирически наблюдаемой разительной специфике, являясь лишь одним из биологических видов семейства гоминидов, или с человеком начинается совершенно другой мир, который в целом следует понимать по совершенно другим законам?

З. Фрейд полагал, что «Эдипов комплекс», возникший у первых предков человечества, сохраняет силу и значимость и является вечно актуальной проблемой потому, что постоянно переходит к последующим поколениям, не совершавшим этого преступления (убийства отца), через биологическое наследование [3, с. 348].

Вся природа общественных отношений совершенно ускользает от понимания Фрейда, ибо конечный, глубинный смысл социальной организации сводится у него к тому, чтобы дать иное направление энергии первичных природных устремлений.

Общественные отношения и формы общения, которые возможны только, когда человеческие значения, смысл, чувства, способности и т.д. свободно фиксируются вне органического тела индивидов и не фиксируются в их генетических структурах, являются человеческими способами, делающими возможным усвоение каждым индивидом того, что является достоянием другого. У животного то, что достигнуто или даже утрачено особью, может стать достоянием другой особи (потомка) только через биологическое (генетическое) наследование.

Общественные отношения – это отношения существ, которые имеют возможность усвоить любое содержание, смысл и способности, какие имеются у его современников, общаясь с ними, вступая с ними в определённую связь через опредмеченную культуру. Он может усвоить их в принципе, ибо такая возможность существует не как абсолютная необходимость, но, разумеется, может и не усвоить. В этом и заключается его свобода. Эта свобода означает, что человек биологически не замкнут в рамках только одной необходимости. Система многообразных общественных, человеческих отношений и связей – это многообразные пути, на которые каждый может вступить или избрать их, требующих, однако, с его стороны соответствующих усилий, обязанностей, а также и прав. Свобода – как раз крайне трудный путь становления человека человеком,

утверждают многие мыслители двадцатого века. Она не дается человеку извне, каждый становится свободным сам или не становится, ибо, оказывается, быть рабом часто легче.

Если животное создаёт своё собственное органическое тело, воспроизводит его, то человек имеет тенденцию воспроизвести всю природу. Он, разумеется, воссоздаёт и своё органическое тело, но теперь это становится одним из звеньев его жизнедеятельности. Это делает человеческую деятельность в принципе универсальной, хотя бы потому, что если животное в своей жизнедеятельности спонтанно следует не только заложенным в них потребностям, но и способу жизнедеятельности, то человек имеет тенденцию в идеале воспроизвести всю природу, не просто слепо следует, хотя и это во многом ещё остаётся в нём, а строит, пересоздаёт, переделывает существующее. Он превращает в принципе всё в свой предмет по освоению, осмыслению, переделыванию, даже тогда, когда он реально не подвергает нечто физическому переделыванию, а оставляет таким, как было. Речь идет о том, что на почве такого пересозидания и освоения, в нём развивается способность к такому воспроизведению и освоению, пересозиданию и т.д., то есть – мысленно. Если само физическое овладение и изменение предмета является в определённом плане ограниченным, оно может совершаться в определённых границах, то мышление развивается как способность, которая на основе воспроизведения природы предмета идеально или мысленно, может развивать все возможности, какие он заключает в различных ситуациях.

Что значит превратить нечто в свой предмет, в предмет освоения, созидания? Это значит, что впервые это нечто противопоставить самому себе. Это означает, что это нечто в себе, в своём изначальном, безотносительном к человеку существовании становится значимым для человека. Животное не противостоит своему предмету, предмет сам по себе, в своей сущности для него лишён смысла, его отношение к предмету чисто отрицательное (уничтожающее). Животное отношение к предмету есть отрицание собственной значимости предмета.

То, что человек противостоит природе, не означает обязательно, что это отношение должно быть враждебным, разрушительным и т.д. Это имеет тот смысл, что человек, в отличие от животного, более уже не сливается с природой, что между человеком и природой существует некая различительная граница. Человек относится к природе, тогда как животное входит в природу,

как всего лишь одна из её сил, форм и т.д. Поэтому у животного нет собственного отношения к природе как чего-то уже иного.

Утверждение, что животное создаёт своё собственное тело, имеет только аллегорический смысл. На самом деле оно и не создаёт его, так как оно тоже совершается, так сказать, без его ведома, оно в нём запрограммировано до него и без него.

Делая для себя своим предметом весь остальной мир, развитый человек делает прежде всего таковым предметом самого себя, как уже сказано в упомянутых словах Маркса, что он делает самую свою жизнедеятельность и своё мышление предметом своей воли и сознания [4, с. 93].

Универсальность связана с открытостью человека как в отношении к другому человеку, так и в отношении к универсальности природы, отсутствием в нём замкнутости в себе. Готовность человека впитать в себя новое содержание не означает, что он напоминает некий сосуд, который наполняется чем угодно, не наполняясь никогда. Она для субъекта означает, наверное, способность хотя бы на время сделать любое содержание точкой видения всего остального, не теряя при этом возможности видения всего целого в принципе.

В этой универсальности заключаются, видимо, истоки свободы человека. Она состоит в том, что в самом способе бытия человека нет абсолютной привязанности к определённому роду жизнедеятельности, что способ жизнедеятельности не дан ему в самой структуре его органического тела, который спонтанно не срабатывает более или менее после его рождения в подходящей ситуации. Он обречён творить способы своей жизнедеятельности, всегда изменять его, иметь множество способов своего бытия в мире. Освоение внешнего мира выступает у человека одновременно и как творчество из освоенного какого-то особого способа своей деятельности и это освоение в конечном счете является его саморазвитием. Если в каждой кардинально иной ситуации человеческому существу приходится не просто реагировать некими защитными мерами, а выбирать и творить свои поступки, то это предполагает прежде всего именно сознательный или – лучше – осознанный акт.

Если сознание есть сфера творчества даже в случаях, когда человек творит, как это ни парадоксально, своё рабство, т.е. сознательно нацеливает себя на рабство, то сознание, осознание может иметь место только у существа, изначаль-

ное бытие которого есть свобода или выбор этого своего бытия.

Значит рефлексия, сознание, свобода людей возможны там, где способ жизнедеятельности, в частности, не сращен с телесной структурой живых существ, т.е. у кого изменение и выбор путей, образов жизни, позиции, а также той же или иной деятельности не связаны с изменением его телесной организации (в том числе его генетического кода, структуры), что отличает биологическую эволюцию от истории.

В отличие от З. Фрейда, К. Ясперс подходил к проблеме человека с совершенно противоположной позиции. Сущностью человека он признавал только свободу, «... без которой человек перестаёт быть человеком» [5, с. 166]. Он критиковал З. Фрейда за предопределённость человека биологической предпосылкой, сексуальными мотивами: «...Истинная саморефлексия, достигшая после длительного развития в рамках христианства вершины у Кьеркегора и Ницше, здесь искажена для открытия сексуальных желаний и типичных переживаний детства; это – маскировка подлинной опасной саморефлексии простым обнаружением известных типов в их мнимой неизбежности, которая абсолютизирует человеческое существование в его низменных проявлениях [5, с. 383].

К. Ясперс утверждает, что субстанция (сущность) человека не есть нечто уже состоявшееся и устоявшееся, вечно идентичное самой себе, что человек есть вечная незавершённость. Однако в человеке есть нечто устоявшееся, оформившееся, это в нём не главное, второстепенное, которое может быть познано науками о духе, о человеке. Однако субстанция, целостность человека есть свобода, а свобода не знает устоявшихся форм, она есть вечное выхождение человека за свои пределы, она есть вечный путь, трансцендентность. Вот это главное в человеке и не поддаётся научному познанию и объяснению. Как только удаётся дать ему некое определение, зафиксировать в нём некий существенный признак, кажущийся определяющим, он уже не совпадает с ним.

В концепции Ясперса человек никогда не завершён и не завершим, а следовательно, он каждый раз выходит за свои границы, т.е. становится несколько иным в своём существе, в своей субъектности и в этом он, вероятно, прав.

Когда человек познаётся науками он выступает для них в качестве определённого предмета, состоявшегося, в себе завершённого, замкнутого в себе целого. Такой предмет пребывает в

сети причинно-следственных отношений. Как чувственное существо, человек является именно таковым, но в нём есть божественное, от бога перешедшее к нему, это – свобода, его духовность, духовное смысловое целое, постоянно переосмысливаемое, изменяемое им. Эту смысловую целостность человека, каждого индивида возможно только понять, истолковать, но не выводить из чего-либо как следствие, его нельзя разложить на структуру, анализировать по составляющим элементам. Животному же не свойственно выхождение за свои границы, трансценденция, оно является завершённым, замкнутым в себе целым.

Однако человек у Ясперса свободен в той мере, в какой он приближается к богу, в какой он сам божественен, но в то же время не может раз и навсегда стать таким божественным, он вечно на пути к этому, ибо он с другой стороны своего существования есть существо, ограниченное, зависимое от многого, но эта его ограниченность не замкнута в себе, она открыта. «Глас божий звучит в том, что для единичного человека, открытого традиции и окружающему миру, возникает как собственное убеждение. Глас Божий слышен в свободе самоубеждения, у него нет другого органа, чтобы сообщить о себе человеку. Там, где человек принимает решение, исходя из своей внутренней глубины, он полагает, что послушен Богу, хотя и не обладает объективной гарантией в знании того, что угодно Богу» [5, с. 454].

Хотя этот Бог в понимании К.Ясперса не есть христианский бог, но он есть основание и мира, и человека, он трансцендентен и миру, и человеку. Источник свободы здесь всё-таки видится вне самого человека, т.е. то, что в человеке делает его собственно человеком, сообщается ему некой трансцендентной силой. Хотя К.Ясперс и объясняет, что человек на путь свободы, незавершенности выходит благодаря своим собственным усилиям, он сам приходит к самоубеждению, к своим решениям, это всё равно как бы внушение бога, его голос.

К. Ясперс вообще выводит проблему природы и субстанции человека за пределы причинного объяснения, говоря, что человека нельзя выводить из чего-либо, так как причина замыкает пределы того, что определяется ею, делает эти пределы замкнутыми. Это, вообще-то говоря, глубоко верно, но тогда человека надо бы понимать из его собственной природы, субстанции или на нашем языке сущности, а она есть свобода. Тогда человек есть то, что он сделал из самого себя. Но К. Ясперс говорит, что человек

не делает самого себя, его делает Бог, который является ему в виде его самоубеждения.

Видимо, прав К. Ясперс в том, что за пределами своей субстанциальной основы человек вполне может быть предметом научного исследования, и поэтому существование многих наук, например, психологии, социологии, антропологии и т.д. вполне оправдано. Он может быть объяснён в том, в чем он завершен, окончен, имеет пределы от и до, в котором причинно-следственные отношения вполне определились. Но это будет объяснение человека лишь в его конечности, завершенности, не объясняет его всего, в главном. За его пределами остаётся его бесконечность, его непредопределённость, что его нельзя и невозможно объяснить из какой-либо одной или совокупности причин, выводить его из них. Причинное объяснение несовместимо с непредопределённостью. Постигание и истолкование человека возможно на иной основе. На этой иной основе стоит философия. Но, думается, не в том смысле, о котором говорит К. Ясперс, тем более не в том, в каком говорит З. Фрейд. Если объяснение может быть только через указание причинной обусловленности, то постижение

и истолкование возможно через философскую веру, – так думает К. Ясперс.

Если философия должна постигать смысл человеческого существования, то смысл при ближайшем рассмотрении оказывается не укладываемым в рамки каузальных объяснений. Это то, что не вытекает из каких-либо предшествующих состояний, тем более это бросается в глаза в мире, где индивиды являются существенно самостоятельными в своих решениях, поступках, позициях, в их выборе. В таком мире в атмосфере общего смыслообразования эпохи в совокупных усилиях людей наблюдается многообразие смыслов. Каждый человек индивидуально творит свой смысл или смыслы, меняет их в разные периоды, вплоть до того, что смыслом жизни индивида может оказаться всё, что угодно. Но сам факт того, что смысл, который осеняет всего человека, не выводим как из чего-то внешнего человеку, так и из его предшествующего или наличного состояния, неоспорим. Предсказуемый во многих других отношениях, человек остаётся непредсказуемым в бесконечных возможностях своего изменения, творчества смысла, выбора жизненных позиций.

Литература

- 1 Фрейд З. «Я» и «Оно». – Тбилиси: Мерани, 1991. – С. 351-393.
- 2 Фрейд З. Леонардо де Винчи. В кн. Психоаналитические этюды. – Минск: Беларусь, 1991. – С. 370-421.
- 3 Фрейд З. Тотем и Табу. В кн. «Я» и «Оно». – Тбилиси: Мерани, 1991. – С. 193-351.
- 4 Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. – Соч. – Т. 42. – М., 1974.
- 5 Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991.

References

- 1 Frejd Z. «Ja» i «Ono». – Tbilisi: Merani, 1991. – С. 351-393.
- 2 Frejd Z. Leonardo de Vinci. V kn. Psihoanaliticheskie jetjudy. – Minsk: Belarus', 1991. – С. 370-421.
- 3 Frejd Z. Totem i Tabu. V kn. «Ja» i «Ono». – Tbilisi: Merani, 1991. – С. 193-351.
- 4 Marks K. Jekonomicheskо-filosofskie rukopisi 1844 g. K. Marks i F. Jengel's. – Soch. – Т. 42. – М., 1974.
- 5 Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii. – М.: Politizdat, 1991.